

Григорий ШАЛАКИН

ОСЯЗАНИЕ БЫЛОГО

Мое поколение – послевоенное. И память моя сохранила лишь одну картинку начала 1950-х годов, опосредованно связанную с войной и предшествующую смерти генералиссимуса Иосифа Сталина, которую в нашем горняцком посёлке Прокопьевска оплакивали в каждом доме. Тот фотокадр стоит перед глазами и сегодня: в людном месте около клуба шахты имени всё того же великого вождя – небольшая группа фронтовиков-инвалидов. Они почти каждый день собирались здесь с простой целью – побыть вместе, поговорить со знакомыми, чтобы не остаться забытыми и затерянными. И от этого, как мне представляется, жилось им полегче.

Один подъезжал к месту сбора по нашей улице. Он ехал в инвалидной коляске на трёх велосипедных колесах с ручным управлением и клаксоном. Мы ватагой караулили его и специально перебежали перед скрипучим «самокатом» дорогу, чтобы худощавый мужчина лет тридцати обязательно посигналил нам резиновой грушей со свистком.

Второй добирался до площади пешком. Но двигался он медленно. Его ход сковывал толстенный деревянный протез, пристёгнутый к обрубку левой ноги потёртыми кожаными ремнями. Этот протез делал мужчине в тёмном костюме с одинокой медалью каким-то приземистым и широким.

Был и третий. Он держал в одной руке морскую свинку, а в другой – картонную коробочку. Мимо шли люди. Некоторые останавливались. Давали три или пять копеек. Свинка водила носом по ящичку и вытаскивала сложенный квадратиком листок бумаги. Его разворачивали. Внутри могло быть написано: жди счастья, поведёт в любви, через год свадьба, грядёт прибыль или прибавление. А мы, ребяташки, наблюдали за таким гаданием, которое никому не сулило горести.

Подобные сценки с предсказанием судьбы в окружении нескольких фронтовиков-инвалидов происходили и на центральном прокопьевском рынке, перед входом в цирк шапито, где за 20 копеек с человека (дети бесплатно) давали представление бродячие артисты, производившие шумные выстрелы из пушек, от которых у зрителей вываливались из рук вёдра и бидоны, приготовленные для покупки на рынке молока, яиц и прочей снеди.

Такие действия в тёплое время происходили на моих глазах года два. Потом оба кружка фронтовиков исчезли. Слёз по этому поводу никто не пролил, и слышать чьи-либо суждения о прошедшем мне не пришлось. Однако тех инвалидов я больше не видел. Хотя все остальные соседи, каждый день спускавшиеся в забои шахты имени Сталина за кузнецким угольком, оставались на своих местах.

Нам, пацанам, приходилось знаться с теми, кто прошёл плен и Колыму, кто был перемещён с оккупированных территорий. О военной поре они сильно не распространялись. Точнее, помалкивали. А за язык их никто не тянул. Фронтовики могли и не знать в лицо, потому что пиджаков с наградами они не надевали. Торжественных поводов, по сути, не было. А широко и привольно отмечать День Победы в Великой Отечественной войне стали, на моей памяти, в 1975 году, то есть спустя 30 лет.

Я был свидетелем, как утром 9 мая от пламени мартеновской печи Кузнецкого металлургического комбината прославленные ветераны зажгли огонь в факеле и доставили его на площадь Побед на узике, украшенном щитом с римскими цифрами, означающими тридцатилетие. После этого перед заводоуправлением начался митинг. На нём я впервые увидел знаменитого сталевара Александра Чалкова, чьё имя со школьных лет ассоциировалось с автоматическим фронтовым оружием, на прикладе которого крепилась табличка: «Сибиряку – от Чалкова».

Газетчики часто путались и называли эти автоматы калашниковскими. А на самом деле это были ППШ, изготовленные на средства Александра Яковлевича из Сталинской премии, присуждённой ему за освоение скоростного выпуска броневой стали. Надо подчеркнуть, что за годы войны выпуск стали в Кузбассе увеличился почти на 500 тысяч тонн и достиг показателя более 2,3 миллиона тонн. Естественно, львиную долю этого объёма давал КМК. А валовый выпуск продукции чёрной металлургии за то же время увеличился почти в два с половиной раза. В денеж-

ном выражении – с 239 миллионов рублей до 616 миллионов рублей.

В Государственном архиве Кузбасса сохранились фотографии 1943 года, на которых около огнедышащего мартена запечатлены Чалков, Лаушкин, другие сталевары и подручные, среди которых, между прочим, были даже симпатичные девчата. Есть в архиве и фотография с фронта. На ней командир 155-го Кузбасского полка полковник Николай Сыркин вручает бойцам автомат Чалкова перед боем за высоту 233,3 под городом Ельней. С таким оружием красноармейцы-сибиряки становились грозой для фашистов.

Наш фронт и тыл, действительно, были едины. Игнатий Шаровьев, политрук 150-й стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков, чьи воспоминания появились в прошлом году в сборнике документов областного архива «В памяти сердца эхо войны», на фронте встречал делегацию, в составе которой была мировая рекордсменка по урожайности картофеля Анна Юткина из Кузбасса. По словам политрука, эшелон прибыл на станцию Торопец. Часть вагонов привезла пополнение – ребят и девчат, а другая часть была занята подарками. Бойцам доставили сибирские пельмени, сливочное масло, мясо, полушубки, валенки и другие тёплые вещи, личные подарки солдатам и офицерам. Не забыли послать и водочки к пельменям.

Делегация пробыла в дивизии несколько дней. Гости рассказывали фронтовикам, как живут и трудятся в тылу, а солдаты и офицеры – как они воюют. Приехавшим даже показали передний край обороны немцев и произвели по ним артиллерийские залпы; разрывы снарядов гости увидели в бинокли.

При освобождении Европы сибирячка Раиса Черева из 309-го медсанбата в одной из венгерских деревень во время привала случайно встретилась с бывшим солдатом противника, воевавшим против неё под Воронежем. Она спросила, думал ли он, что Красная армия совершит победоносное наступление? Тот ответил: «Даже мысли не допускал, что русские смогут не только освободить свою страну, но и придут на мою родину».

Вернёмся на КМК. Сталевар Александр Чалков в войну стал почётным гвардейцем сибирской дивизии. А я познакомился с ним в мае 1975 года, будучи репортёром кээмковской многотиражной газеты «Металлург». Александр Яковлевич красноречием не отличался. Зато он так умело управлял мартеновскими агрегатами, что заработал госпремию. И потратил он её не

только на автоматы, но и на шубу жене, с которой воспитал пятерых сыновей. И всех привёл работать на КМК. Скромности его трудовой деятельности можно позавидовать. У одного из Чалковых мы сидели за праздничным столом в обычном доме в посёлке Точирино с покосившимися сараями во дворе. Был я в гостях и у другого Чалкова, жившего в бараке на Верхней колонии. Там и там жилищные условия мартеновцев оставляли желать лучшего. Но так уж воспитаны были ребята: дело – главное, а быт – наживное.

С Александром Яковлевичем в 1975 году мы ездили в Новосибирск на встречу с бойцами 22-й Сибирской добровольческой дивизии. Там он был нарасхват. Сфотографировал я его и со снайпершей гвардии ефрейтором Лидией Соколовой, правый глаз которой закрывала тёмная повязка. О ней так писали в «Боевом листке»:

*На немца – вора и бандита
давно охотится она.
И сумка у неё набита
немецкой «дичью» дополна.
Удаче этой есть причина:
у Лиды Соколовой взор
отменно зорок и остёр.
Он и взаправду соколиный.
И поневоле немцы-гады
боятся девичьего взгляда.
Она по-снайперски глядит.
Посмотрит – пулей одарит.*

167

С оператором новокузнецкого корпункта Кемеровского телевидения Николаем Щетинкиным мы тогда сняли документальный фильм о сибиряках-добровольцах на 8-миллиметровой чёрно-белой плёнке. С юными следопытами и новокузнецкими фронтовиками в июне 1975 года побывали в Москве, где встречались с прославленным сибиряком, генералом армии Афанасием Белобородовым. Настоящими подвижниками в деле сохранения памяти о войне были редактор газеты «Металлург», участник Великой Отечественной Сергей Знатков и учитель новокузнецкой школы № 8 Алла Глотова.

В 1970-х годах преобразилась сама площадь Побед. Много хлопот руководству города и КМК выпало при решении задач, связанных с установкой в 1973 году на постамент танка Т-34, при создании мемориала с Вечным огнём и музеем боевой славы. Непросто было заполучить стоящую на учёте в войсках боевую машину. При выборе учитывался каждый километр её пути. Танк встал на наклонное бетонное основание, словно продолжая находиться в атаке. Не было на территории Советского Союза, нет и сейчас столь

динамичного памятника с использованием танка, дошедшего до Берлина.

Сложно создавался мемориал, который проектировали и изготавливали по частям, если мне не изменяет память, московские специалисты. На КМК одна за другой шли телеграммы: «Нужен такой-то металл, срочно отгружайте!» Результат впечатляет, стоят мемориалу века.

Все уголки Новокузнецка всколыхнуло открытие в 1975 году 800-метрового бульвара Героев – единственного в Кузбассе монументального сооружения подобного типа. Это волнительный экскурс в грозные 1941–1945 годы, озарённый Вечным огнём. Приходящие сюда (теперь уже после второй или третьей капитальной реконструкции) сразу окунаются в прошлое. Каждый – со своими воспоминаниями и мыслями.

Мне довелось фотографировать фронтовиков и тружеников тыла и на площади Побед, и на бульваре Героев. Среди них Герои Социалистического Труда, полные кавалеры орденов Славы, награждённые одним, а то и двумя орденами Красной Звезды, орденами Ленина. Не счесть, сколько одухотворённых лиц попало в объектив фотоаппарата. Главное, эти люди – честь и совесть страны – всегда оставались скромными тружениками самых разных цехов КМК, от доменного до паросилового, добросовестными работниками машзавода, железной дороги, строительных и многих других организаций.

Наш новокузнецкий фотоклуб «Сибирь» постоянно показывал отличившихся земляков на выставках в Музее изобразительного искусства и в Доме творческих союзов. Примерно в 1980 году художественный руководитель клуба Юрий Романов раздобыл у своего родственника 72 кадра о войне, которые прежде никогда не публиковались. Они были сделаны солдатом в окопах, во время атак. И тайком от кого бы то ни было. Такую правду из первоисточника мало кто получал. А новокузнецчанам повезло увидеть эти снимки первыми.

Но до сей поры не вскрыты огромные пласты информации на военную тему. А когда они обнаружатся, то воспринимаются с болью и слезами на глазах. Все-таки война не только победные марши. Работая над сборником документов Госархива Кузбасса, вышедшим к 75-летию Победы, я подивился цепкой памяти пулемётчика Виталия Удовиченко из 376-й Кузбасско-Псковской стрелковой дивизии. Он бесхитростно описал

многие моменты армейской жизни. Запомнилось ему, например, как в марте 1942 года выбирали из-под снега на болотах мох и снимали солому с крыш в деревнях, чтобы прокормить лошадей. И бойцам приходилось не легче. Им порой выдавали всего по два-три сухаря в день.

12 января 1943 года в 9.30 около 2700 орудий и миномётов Волховского фронта одновременно с Ленинградским начали артиллерийскую подготовку, длившуюся в течение одного часа и 45 минут. Гул и рёв стояли невообразимые. Стрелковая дивизия овладела рощей Круглая, где гитлеровцы оставили свыше тысячи трупов. А если наши приводили пленных, то все они были контуженными.

Однако летом 1944 года всё ещё продолжались ожесточённые бои, и наши войска несли потери. Пулемётчику Удовиченко врезался в память залп «катюш» в 4.25 утра. Высота «Гора» покрылась сплошным дымом и пылью. Штрафная рота залегла на нейтральной полосе. Вместе с ординарцем он пытался организовать повторную атаку, но бойцы были недосыгаемы и без движения. Из 56 человек в роте осталось 33.

«На нейтральном поле боя, не занятом противником, – вспоминает фронтовик, – мы были обязаны снимать с убитых шинели, обувь, каски. У меня в роте насчитали недостачу в 10-кратном размере на 8900 рублей. В течение двух месяцев высчитывали по 250 рублей, а потом документы финчасти разбомбили и удержания прекратились.

Утром 23 декабря 1944 года прошла полуторачасовая артминомётная пристрелка, за ней – 50-минутная артминомётная обработка немецких позиций. Мы дружной цепью поднялись в атаку и за два часа продвинулись вперёд почти на четыре километра. Бывало, за день и ночь проходили по 40–50 километров.

В четыре часа утра 9 мая 1945 года были разбужены криками о Победе. Выбегали на улицу все, кто мог. Торжество было неописуемым, все осознали, что остались живыми и смогут возвратиться домой к своим семьям. Через несколько дней по дороге под советским конвоем проследовали немцы вместе со своими командирами», – завершает свои воспоминания воин-сибиряк.

Что ж, будем жить и будем помнить, какой ценой старшее поколение обеспечило нам день сегодняшний!